

Про Ивана Годиновича (отрывок)

«Уж ты гой еси, дядюшка Микитушка!
Я задумал теперь, дядюшка, жениться!
Уж ты пива направляй, пива пьяного,
Бадейки направляй меду сладкого,
Сорок сороковок зелена вина.
Заплачу я те, сударь, деньги полные,
Деньги полные, да сорок тысячей.
Приедут-то на свадебку богатыри —
Тридесять удалых добрых молодцев,
Да святорусских могучих же богатырей:
Во первом ли было во десяточке
Набольшим казак да Илья Муромец,
Во втором ли было во десяточке
Набольшим Дунай да сын Иванович,
Во третьем ли было во десяточке
Набольшим Добрынюшка Микитиич!»
Сподоблялись-снаряжались добры молодцы,
Седлали-уздали коней добрых —
[Не видели посадки молодецкой,]
Не видели поездки богатырской,
Только в чистом поле курева стоит,
[Курева стоит, да дым столбом валит —]
Скопотили все жёлты пески сыпучие,
Не видно ходяча красна солнышка,
Дрогнула матушка сыра земля,
Сухое дубье поломалось,
Сырое дубье расшаталось,
Вершина с вершиною соплетались.
Долго ли ехали, коротко ли —
Разоставили шатры белополотняны,
Стали молодцы пировать-столовать.
Долго ли пили тут, коротко ли —
Прошло тому время трои суточки,
На четверты-то суточки разбужаются.
Разбужается Иван сударь Годенович,

Умывается свежей водой ключевой,
Утирается он белым полотенышком.
Как садился Иван да на реньчат стул,
И писал он ярлык, да скору грамотку
Ко тому ли царю Федору Черниговску —
На прекрасной Маремьянушке посвататься,
Он со всякими угрозами с великима:
«Нас тридесять удалых добрых молодцев,
Святорусских могучиих богатырей.
Отдашь нам честью — возьмем с радостью,
Не отдашь нам честью — возьмем нечестью:
Мы царство твое под меч выклоним,
А тебя, царя, во полон возьмем!»
Разбужает он Добрынюшку Микитича:
«Ты вставай-ко, Добрынюшка Микитич блад,
Никому та служебка не явлена,
А тебе, Добрыне, служебка надмечена —
Съездить Добрыне во Чернигов-град,
На прекрасной Маремьянушке посвататься».
Этому Добрыня неотслышан был:
«Не могу я ехать во Чернигов-град,
Болит-то у меня буйна голова
И шипит у меня ретиво сердце.
Мне бы, Добрыне, приоправиться».
Этому Иван неотслышан был:
Наливат ему чару зелена вина,
Не малу чару — в полтора ведра.
Принимал Добрыня чару единой рукой,
Выпивал Добрыня чару единым духом,
И за чару Добрыня поклоняется:
«Да еще, говорит, я не оправился —
Мне еще бы, Добрыне, приоправиться».
Этому Иван неотслышан был:
Наливат ему чару зелена вина,
Не малу чару — в полтора ведра.
Принимал Добрыня чару единой рукой.
Выпивал Добрыня чару единым духом,
И за чару Добрыня поклоняется:
«Да еще я, Добрыня, не оправился,

Мне еще бы, Добрыне, приоправиться».
Этому Иван неотслышан был:
Наливат ему чару зелена вина,
Не малу чару — в полтора ведра.
Принимал Добрыня чару единой рукой,
Выпивал Добрыня чару единым духом,
И за чару Добрыня поклоняется:
«Я таперича, Добрынька, приоправился».
Выходил Добрынюшка на улицу,
Прикликал к себе да коня доброго,
Седлал он, уздал коня доброго,
Отправлялся Добрыня во Чернигов-град.
Полям он поехал, не дорогою,
В Чернигов он въезжал не воротами —
Скачет он через стену городовую,
Бросает он коня непривязанным,
Непривязанным, ни к кому не приказанным,
Никому до коня, право, дела нет.
Пошел он во горенки во светлые,
По лесенкам идет по дубовым —
Лесенки под ним подгибаются;
Ни дверей не спрашивает, ни дверников,
Ни ворот, ни приворотников,
Пановьям по-за столом челом не бьет,
Пробирается к Федору, царю Черниговску.
Заходил тут Добрыня в гридни светлые,
Бросал ярлык на дубовой стол:
«Ай Федор, царь Черниговской!
Я приехал за добрым делом, за сватовством,
На прекрасной Маремьянушки посвататься.
Отдашь нам честью — возьмем с радостью,
Не отдашь нам честью — возьмем нечестью:
Тридцать нас удалых добрых молодцев —
Царство твое под меч выклоним,
А тебя, царя, во полон возьмем».
Говорил тут царь Федор Черниговский:
«Не Иван плёночки поставливал,
Не Годенович плёнку настораживал —
Не Ивану и попала сера утица,

Не Годеновичу попала красна девица.
Василий плёночку поставливал,
Сын Батуевич плёнку настораживал —
Василью попала сера утица,
Батуевичу попала красна девица».
Хватил он столешенку дубовую
И бросил о середь полу кирпичата.
Пришла Маремьяна ко своему отцу:
«Государь мой свет батюшка!
Пойду я за Ивана Годеновича.
Седлайте мне, уздайте коня доброго,
Кладите приданое великое,
Не сяду я с Добрыней во одно седло».
Поехали с Добрыней во белы шатры.
Приезжали они ко белым шатрам,
Выходил Иван тут на улицу
И брал Маремьяну за белы руки,
Целовал он ее в сахарны уста,
Заводил Маремьяну во белой шатер,
Тут мужики стали свадьбу справлять.
Они долго ли пили, коротко ли —
Прошло тому время трои суточки,
На четверты сутки разбужалися,
Поехали мужики в стольной Киев-град.
Долго ли ехали, коротко ли —
Подпадает тут дороженька кровавая,
Кровавая дорожка поперечная.
Говорит тут Иван сударь Годенович:
«Что ты гой еси, Дунай сын Иванович!
Надо нам эту дороженьку изведати,
Поезжай ты, Дунай, со своим со десяточком,
И назад ты, Дунай, не ворочайся —
Проезжай ты прямо в стольной Киев-град».
Долго ли ехали, коротко ли —
Подпадает дорога кровавая,
Кровавая дорожка поперечная.
Посылает Иван Илью Муромца:
«Уж ты гой еси, Илья Муромец!
Надо нам эту дороженьку изведати,

Поезжай ты, Илья, со своим со десятичком,
И назад ты, Илья, не ворочайся —
Проезжай ты прямо в стольной Киев-град».
Остался Иван один с молодой женой,
Поехал Иван по дорожке вдоль.
Долго ли ехал, коротко ли —
Поставил Иван шатер белополотняной,
Легли отдыхать с молодой женой.
Тут насыпала погода великая —
Наехал Василий сын Батуевич.
Пошла Маремьяна к Батуевичу.
(Она знала, что он нагонит.)
Спросил Василий Маремьянушку:
«Ты скажи, Маремьяна Прекрасная,
Убьем его или привяжем ко сыру дубу?»
Говорит Маремьяна Прекрасная:
«Давай привяжи ко сыру дубу —
Пусть он на нас полюбуется».
Привязали Ивана ко сыру дубу,
Легли отдыхать, спотешаются...
Прилетели ко дубу три голубя,
Сели три голубя к Ивану на дуб,
И стали голуби ворковати.
Натягивают тут они тугой лук
И спускают они калену стрелу
В того ли Василья Батуевича.
Попала стрела во белы груди,
Смешала стрела кровь со печенью.
Говорит тут Иван Маремьянушки:
«Уж ты свет Маремьяна да Федоровна,
Отвяжи меня от сыра дуба!» —
«Отвяжу я тебя — мне живой не быть». —
«Я дам тебе три ученица,
Как добры мужья своих жен учат».
Отвязала Маремьяна от сыра дуба
Своего ли Ивана Годеновича.
Сели они на добра коня,
Поехал Иван со молодкою.
Долго ли ехали, коротко ли,

Подъезжает Иван ко Подчай-реке,
Слезает Иван со добра коня,
Говорит Маремьяне свет Федоровне:
«Ты слезай, Маремьяна, со добра коня,
Ты неси мне воды из Подчай-реки».
А ему Маремьяна ответила:
«Не воды пить ты хошь — моей крови хошь».
Отрезал он у ей губы наперво,
Он бросил их во Подчай-реку:
«С поганым Идолицем целовалася!»
Отсек он ей белы руки по локоть,
Он бросил их во Подчай-реку:
«С поганым Идолицем обнималася —
Не нужны мне твои белы руки!»
Отсек он ей ноги по коленочки,
Он бросил их во Подчай-реку:
«С поганым Идолицем оплеталася —
Не нужны мне твои ноги резвые!»
Сел тут Иван на добра коня:
«Ну, Маремьяна Прекрасная,
Хочешь ты — лежи, хошь — со мной иди».
Сам поехал в стольной Киев-град.
Приехал он в стольной Киев-град,
Встречает там своих товарищей,
А те над ним спотешаются:
«Женился Иван, а тебе не с кем спать!»

(Зап. Леонтьевым Н. П.: 1938 г., д. Голубково Нижнепечорского р-на — от Маркова Игнатия Терентьевича, 80 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.